

ПИСЬМА Е.А. КОСМИНСКОГО Е.В. ГУТНОВОЙ (1941–1959)

23.I.54

Дорогая Евгения Владимировна,

Простите, что долго не отвечал на Ваше письмо. Дело в том, что сейчас же вслед за болезнью для меня наступило нечто хуже болезни – невообразимо спешная работа, которую пришлось делать еще не совсем оправившись. Конечно, мне следовало отказаться, но я не сделал этого по ряду причин. Дело идет о докладе для предстоящего X Всемирного конгресса историков. Для меня очень важно быть на этом конгрессе, так как это будет также встречей историков-марксистов из всех стран. Со многими из них я переписывался, с некоторыми (англичанами) встречался. Но доклад надо представить немедленно. Некоторую помощь мне оказал Ульянов¹. Но что можно сделать в неделю? А у меня фактически был этот срок. Жаль, что доклад будет хуже, чем он мог бы быть. А кроме того, он меня совсем измучил. Кроме доклада (30 стр.) надо сделать еще "сообщение" на секции средних веков (на 10 стр.) – тоже надо отправить спешно, так что не удастся и отдохнуть после доклада. Помимо всего этого пришлось в то же время писать статью для "News" – тоже спешно. Так проходит жизнь между болезнями и спешными заботами, и это грозит "невыполнением плана" – не только Институтского (это бы еще ничего), но и намеченного самому себе. Но может быть так и надо. Не жалуюсь!

Работу Вашу почитываю исподволь, в виде отдыха. [...]

Когда увидимся? Надеюсь не очень долго ждать.

E.K.

31.VIII.54

Дорогая Евгения Владимировна,

Шлю Вам привет по случаю начала занятий в новом учебном году и желаю, чтобы все было хорошо и чтобы Вы кончили свою работу над диссертацией.

Пишу на Университет, т.к. письма, адресованные Вам на дом, по-видимому, не доходят. Я писал Вам перед моим приездом на дачу (в середине июня), сообщая, что Ваш доклад прочитан и сделаны замечания и что Вы можете его получить. Потом, в середине лета, я получил от Вас письмо, которое не было ответом на мое. Я ответил Вам тогда же, но больше ничего от Вас не получил. И доклада Вы не востребовали.

Посылаю Вам также Ваш доклад с моими заметками на полях. Вы простите их нечеткость – я все еще чувствовал себе неважко.

7-го сентября из Англии вылетает группа английских историков². Точно ее состава

Окончание. Нацело см. в № 1 нашего журнала за 2002 г.

¹ Ульянов Юрий Романович, специалист по аграрной истории Англии XV в., ученик Гутновой. В 50-е годы был официальным референтом Е.А. Косминского, после его кончины – младшим научным сотрудником Института всеобщей истории. Автор интересных статей о так называемом "новом маноре" в Англии.

² "...английских историков". Речь идет о конференции в Москве историков Великобритании и СССР. Позднее такие, так называемые "двусторонние", научные форумы отечественных и западных историков, в том числе медievистов, постепенно приняли регулярный характер. Они происходили поочередно в СССР и стране научных партнеров и имели очень важное значение для ознакомления наших ученых, пребываю-

я не знаю. Во всяком случае, всем нашим англоистам надо будет использовать их пребывание для укрепления связей. Предполагалась конференция с их докладами [...], придется приехать. Пока думаю держать связь через Якова Ал[ександровича]. У него Вы сможете узнать все, что касается их приезда.

Отослал большую статью в "Вопросы истории". Пишу другую – об основном законе. Кажется, что-то выходит. От Ульянова мне была хорошая помощь. [...]

По мере сил работал. Но все очень неустойчиво. Надеюсь все же, нам удастся скоро увидеться. Крепко жму руку

Ваш Е.К.

7.XI.54

Дорогая Евгения Владимировна,

Поздравляю Вас с Великой годовщиной. Большое спасибо Вам за память и поздравление. Я все рассчитывал до праздников успеть съездить в Москву и встретиться с Вами, но чувствую себя довольно плохо и не знаю, когда это удастся. Хотелось бы быть 16-го на юбилее Волгина³, но все это довольно сомнительно.

Я слышал, что вопрос о прикреплении Ульянова к кафедре и о руководстве отпал. Мне хочется думать, что Вы со своим умом и добротой успели уже простить мне мой глупый промах⁴. Но мне больно думать, что я был причиной порчи отношений между Вами и Вашим учеником. Повторяю, мне кажется, что Вы совсем неправильно представляете себе его отношение к Вашему руководству и вообще всю психологию его поведения в данном случае. Очень хочется думать, что это печальное недоразумение уладится.

Я очень сильно ощущаю возникший у меня разрыв с коллективом⁵, тем более, что у меня есть два готовых доклада и один почти готовый, о которых бы следовало осведомить товарищей и побеседовать с ними. Есть и большие планы совместной (не "коллективной") работы, которые я обязан был бы реализовать. Но все расчеты на то, что "вот мне станет лучше", "вот я окрепну" пока что не сбываются. А иногда начинает казаться, что может быть и не надо нагружать и так перегруженных сверхмеры коллег. Об этом хотелось бы посоветоваться.

Беспокоит меня здоровье Якова Александровича, который стал подлинным сердцем нашей медиевистики, гонит кровь по ее венам и артериям его бескорыстная и сверхсложная работа. Пусть бы он лучше перешел к своим городам.

Как ваша работа? Скоро ли я смогу начать читать ее первые листы?⁶ ...у меня уже имеется некоторое представление о целом.

Все-таки я надеюсь не в очень отдаленном времени приехать в Москву и увидеться с товарищами. Хотелось бы окончить свою жизненную карьеру в совместной работе, а не в отрыве. Искренние пожелания здоровья, бодрости и успешной работы.

Е.К.

3 Косминский, прекрасно понимая пагубность изоляции ученых для судеб науки, прилагал все усилия и все свое влияние для развития международных контактов историков, особенно коллег, что видно из его последующих писем и, таким образом, стоял у истоков постепенно складывавшихся научных контактов.

4 Волгин Вячеслав Петрович (1879–1962) – академик (1930), лауреат Ленинской премии (1961), автор трудов по истории утопий, социалистических и коммунистических идей домаркса периода, начиная с раннего нового времени.

5 "...разрыв с коллективом" образовался у Косминского из-за его болезней, мешавших ему регулярно бывать на кафедре и в институте.

6 "Как Ваша работа?" Речь идет о завершении докторской диссертации Е.В. Гутновой, т.е. о представлении уже полностью оформленного текста.

6.I.55

Дорогая Евгения Владимировна,

Спасибо за Ваше письмо и поздравление. Примите и мои поздравления и самые лучшие пожелания. В частности желаю Вам не предаваться меланхолическим размышлениям над диссертацией. Все такие мысли неизбежны на определенных стадиях каждой большой работы, особенно когда она готовится отделиться от Вас и начать самостоятельную жизнь. Но этому не надо поддаваться. 12 лет Вашей жизни Вы делали большое дело и делали его хорошо. Вам не придется об этом жалеть. Жаль потом бывает от сознания, что можно было сделать еще лучше – но это уже неизбежно.

Не грустите также о том, что сын уже не встречает с Вами Новый год. Птенец должен вовремя выпорхнуть из материнского гнезда, и худо будет ему и птице, если этот срок задержится. А о старости думать смешно – Вы еще так молоды – почти девочка.

Об английских историках имею сведения от Ульянова, а сегодня и сами они пожаловали ко мне на дачу. Пришлось принимать их лежа в постели. Приезжали только попрощаться, что меня тронуло.

[...] Спасибо за адрес Киры, напишу ей при первой возможности, а пока передайте привет, если будет случай. Надеюсь, что не придется ждать встречи слишком долго.

E.K.

16.II.55

Дорогая Евгения Владимировна,

Давно от Вас никаких вестей. Я послал Вам письмо и мои замечания. Здоровы ли Вы? Были ли Вы в доме отдыха и отдохнули ли там? Жду дальнейших присылок [глав Вашей работы] с нетерпением. Может быть, Вас смущает то, что я написал о своей перегруженности? В таком случае напрасно. В январе мне приходилось действительно жутко, и это несколько задержало чтение Вашей работы. Но теперь легче. И к тому же прошу Вас всегда помнить, что Ваша работа для меня не только мое кровное дело, но и что чтение ее для меня радость, удовольствие и отдых. Поэтому присылайте, что у Вас готово.

Желаю здоровья и сил.

E.K.

Ваша папка с моими замечаниями была переслана в кабинет истории ср[едних] веков у[ниверсите]та.

9.IV.55

Дорогая Евгения Владимировна,

Поздравляю Вас с днем рождения и шлю самые лучшие пожелания. В чем они заключаются – Вы знаете. Кроме здоровья, сил и бодрости, без которых жизнь не в жизнь, особенно желаю Вам успешной творческой работы и тех радостей, которые она одна может доставить (вместе с мучениями, конечно, – но в этом жизнь).

Меня радует, что пожелание творческого успеха уже претворяется в жизнь и что поздравление с днем рождения я могу соединить с поздравлением с днем рождения Вашей большой (не только по числу листов) работы. Да, это настоящая работа, которой Вы можете гордиться, работа, которая останется. Те десять лет, которые Вы на нее потратили, не прошли даром – гоните от себя эти упадочные мысли. Вы сделали большое дело и хорошо его сделали.

Теперь Вам надо подумать о том, как бы хорошо отдохнуть. А чем Вы думаете заняться потом? Историографией? Заманчивая, но опасная область, в которой наши историографы еще не нашли правильного пути... Но об этом потом. Еще раз повторю мои пожелания Вам. Надеюсь встретиться с Вами в не слишком отдаленном времени.

С искренним приветом

E.K.

[без даты]⁷

Дорогая Евгения Владимировна,

До Вашего последнего письма я был вполне убежден, что Вы высказывались против создания англ[ийской] группы (а не за ее отсрочку), как мне казалось, я имел полное основание [подчеркнуто автором. – А.С.] так думать⁸. К сожалению, эта версия, была сообщена не только мне. Все это имело ряд печальных последствий, из которых наименьшим является мой отказ от англ[ийской] группы. Возможно, что тут имела место ошибка или серия ошибок, но есть и странности. Об этом можно поговорить при встрече, а может быть лучше за давностью предать дело забвению.

Я ответил на Ваше письмо о заседании кафедры, т.е., вернее сказать, ответил еще до его получения, т.к. мне все рассказал Ульянов, который был у меня на другой день после заседания. Очевидно, письмо почему-то не дошло до Вас. Поэтому примите хоть теперь мои запоздальные поздравления и пожелания, чтобы этот триумф открыл серию новых, еще более блестящих. О заседании кафедры я слышал много рассказов, все более или менее восторженные.

Ваше письмо заканчивается рядом благодарностей и пожеланий, похожих на какое-то прощание или поминание. Зачем это? Во всяком случае, спасибо за них; и я со своей стороны желаю Вам блестящей защиты, дальнейших творческих успехов, удовлетворения своей работой, желаю всякого счастья. Обидело меня, что Вы вложили столько иронии в "благодарность" за чтение мною Вашей диссертации. Ведь Вы знаете, с каким интересом и чувством гордости за Вас я читал каждую ее страницу.

У меня еще лежит недочитанная глава VIII. Я не торопился ее читать, потому что был завален работой над III т. "Всемирной истории" и другими делами, а Вы писали, что теперь это не к спеху. С.Д.⁹ говорил мне, что защита может состояться еще до каникул. Верно ли это? Было бы очень хорошо.

С самым искренним приветом и пожеланиями всего хорошего.

Е.К.

Больше доверия к дружбе!

1.VI.55

Дорогая Евгения Владимировна,

Я прочитал Ваш автореферат достаточно внимательно и нахожу, что он точно передает содержание, направление и сюжет Вашего исследования. Нужна, мне

⁷ Письмо написано, очевидно, в 1955 г., после успешного обсуждения на кафедре и рекомендации к защите докторской диссертации Гутновой, с чем Е.А. Косминский ее и поздравляет.

⁸ Речь идет о создании в Институте истории "Английской группы". Такие страноведческие группы оказались весьма полезными в качестве "научных вертикалей", они заметно активизировали и сблизили интересы ученых, изучающих "общую" страну, так что их даже превратили было в структурные единицы, параллельные традиционным "горизонтальным" объединениям, т.е. по отдельным эпохам. Последний опыт себя не оправдал. Но как внеструктурные объединения страноведческие группы, хотя и слабо, функционируют по сей день в Институте всеобщей истории РАН.

⁹ С.Д. – Сказкин Сергей Данилович (1890–1973). Академик (1947), Герой Социалистического Труда (1970), декан истфака (1940–1943), заведующий кафедрой средних веков МГУ (1949–1973), зам. директора Института истории (1946–1949) и заведующий сектором истории средних веков института (1961–1973), ответственный редактор "Средних веков" (1949–1973), один из наиболее известных отечественных специалистов в области всеобщей истории. Свой научный путь начал трудами по политической истории Франции нового времени, но постепенно стал "универсальным" медиевистом. Равно блестяще владел материалом средневековой Франции и Италии, проблемами методологии, политической, социальной, культурной, идеальной истории, истории крестьянства и Ренессанса, средневековой и новой философии. Список его прижизненных трудов включает совсем немного академических исследований: значительную часть времени и сил, наряду с научно-организационной работой, он отдавал крупным коллективным трудам, учебникам и хрестоматиям для студентов истфаков, популяризации исторических знаний; много работал "для себя", "в стол". Был великолепным лектором. Щедро одарял многочисленных учеников своими блестящими идеями. Не жалея сил, помогал оказавшимся в беде коллегам, за многих, в частности за Гутнову в 1949 г., заступался перед начальством, многие обязаны ему состоявшейся научной жизнью. Был любим и глубоко уважаем учениками и большинством коллег.

кажется, некоторая стилистическая правка и, может быть, некоторые сокращения, особенно в [о] введении. Некоторые свои предложения в этом направлении я отметил в рукописи. Кстати, обратите внимание – в этом экземпляре не хватает стр. 28.

В порядке придирки – и Вы просили меня быть придирчивым – сделаю одно замечание, хотя и понимаю, что его трудно обосновать и еще труднее что-нибудь конкретное посоветовать. Поэтому Ваше дело – принять его или не принять.

Мне кажется – и может быть это мое субъективное ощущение, что автореферат как-то не адекватен работе, как-то тускл и невыразителен. Как-то пропадают главные достоинства Вашей работы – не видно, что проблемы поставлены так, как они еще никогда не ставились, не видно широкой, разнообразной и убедительной аргументации, составляющей главную Вашу силу; не видно стоящей за этим огромной исследовательской работы, не чувствуется ее истинно оригинальный, самостоятельный стиль (не в смысле языка!). Вы скажете, что эти свойства не могут быть переданы в кратком автореферате, и, вероятно, будете правы. Правду сказать, авторефераты редко могут передать достоинства работ (особенно хороших), и что за ними скрывается, обычно доступно лишь очень хорошо знакомому с предметом. А так, все, что нужно, как будто бы есть.

Боюсь, как бы моя "придирка" не повредила Вам и Вы не стали бы переделывать Вашего автореферата. Не нужно! Можно ограничиться лишь литературной редакцией, не стоит тратить драгоценное время и силы на такие пустяки. Важно дать хорошую работу и поскорее продвинуть ее в печать. Увидите, что работы еще предстоит немало (не потому, что работа не хороша, а наоборот). Очень жаль, что диспут откладывается.

Мои дела не очень хороши. Состояние очень неустойчиво. Работать все-таки могу. Теперь усиленно читаю источники. Очень меня интересует доклад Барга¹⁰ о фригольде. Жду присылки нечитанных частей Вашей работы.

С искренним приветом

E.K.

16.VII.55

Дорогая Евгения Владимировна,

Надеюсь, что мое письмо застанет Вас еще в Москве. В общем я согласен с теми предположениями относительно английской группы, которые изложены в Вашем письме. Составить план работ и изданий группы можно будет, конечно, не ранее того, как выяснится состав ее актива, имеющийся запас сделанных и делаемых работ, направление интересов отдельных членов и их общие пожелания. Все это можно было бы до изв[естной] степени собрать и учесть еще до начала регулярной работы группы путем опроса. У Бюро был бы тогда материал, по которому можно было бы

¹⁰ Барг Михаил Абрамович (1915–1991) – доктор исторических наук, профессор, известный историк-медиевист, крупный специалист по аграрной истории английского феодализма (канд. дисс. – 1947); создал (вместе с В.М. Лавровским) оригинальную концепцию Английской буржуазной революции (М., 1958), создал портреты деятелей революции, книги о Кромвелле и Шекспире. В последние годы основное внимание уделил историко-типологическим исследованиям, в том числе так называемой теории формаций, понятиям и закономерностям всемирно-исторического процесса, в том числе – роли ранних буржуазных революций, категориям и методам исторической науки и становлению историзма. Зачинатель отечественной школы цивилизаций. Оставил талантливых учеников. Жизненный путь Барга долгие годы был одиноким и трудным, поддержкой ему служили лишь преклонение перед его талантом, преданность и заботливые хлопоты престарелого В.М. Лавровского. Сменив немало мест работы, в том числе редакторской и преподавательской, он лишь в 1967 г., перейдя на работу в академический Институт истории, получил полную возможность реализовывать свои обширные планы. Последнюю работу о М.А. Барге см. статью Т.А. Павловой и Е.Б. Черняка в кн. "Портреты историков", т. 2, с. 248–257, и там же – список его основных трудов и литературы о нем. Реплика Е.А. Косминского свидетельствует, что он высоко оценил уже первые публичные выступления М.А. Барга и впоследствии, как видно из его писем, неизменно поддерживал ученого.

наметить план. Это не значит, конечно, что Бюро само не может предложить своих соображений относительно плана – вопросы, разработка которых особенно желательна и при наших условиях возможна. Я хотел бы напомнить о плане истории английского крестьянства, для которой у нас есть подготовленный материал. Могут быть выдвинуты и другие темы в таком роде. Но, конечно, не следует (пока) увлекаться коллективными работами. Опять приветствую план "Очерков" – это можно дать скоро.

Не имею возражений относительно состава Бюро, но считаю необходимым включить в него В.М. Лавровского¹¹. Не включить его было бы обидой, и я не хотел бы с этого начинать работу группы, а при данных условиях он может быть полезен. Он прислал мне свои соображения относительно работы группы, которые не расходятся с моими и Вашими и не вызовут разногласий.

[...] Я полагаю, что с начала сентября, когда все съедутся, наличные в Москве члены Бюро могли бы путем опроса (анкеты?) собрать сведения, необходимые для выработки предварительного плана. Числа около 20.IX, когда я вернусь, можно было бы собрать Бюро для составления такового плана и затем собрать группу для организационного совещания.

Полагаю, что группа должна в основном объединять медиевистов, включая, впрочем, [хронологически] и Английскую революцию. Включение спецов по новой и новейшей истории считаю вопросом весьма дискуссионным. Пока, во всяком случае, надо рассчитывать только на медиевистов (включая А[нглийскую рев[олюцию]]).

Должен предупредить, что мое участие в работе группы и Бюро будет зависеть от состояния здоровья. Хотя я постараюсь сделать все, что могу, но ручаться трудно. Рекомендовал бы поскорее наметить "ответственного секретаря" Бюро, который нес бы ответственность за организационную сторону. Предложил бы Левицкого или Сапрыкина¹².

Прочитал главу или часть главы Барга. Очень интересно и открывает интереснейшие перспективы. Любопытно, что у него получилось дальше. Из него вырабатывается настоящий ученый, с исследовательской хваткой. Надо бы ему помочь.

Желаю Вам хорошо отдохнуть и набраться сил для предстоящего года. Защита состоится, очевидно, в конце сентября или начале октября?

С искренним приветом

Е. Косминский

Конечно, работа отдельных членов группы должна быть согласована с планами сектора и кафедры, и их руководящие лица должны быть осведомлены о решениях Бюро и группы – даже лучше было бы приглашать их на соотв[етствующие] собрания.

14.X.55

Дорогая Евгения Владимировна,

Спасибо за Ваше письмо. Очень жаль, что заседание будет не в том зале, где выступал Грановский, и где самые стены носят память о нем.

Вчера было заседание в Политехническом музее (Об[ществ]ва по распространению научных и политич[еских] знаний), посвященное X Конгрессу историков. Хотя мое выступление было на 20 мин., но я очень устал. В общем заседание прошло хорошо

¹¹ Лавровский Владимир Михайлович (1891–1971) – представитель московской аграрно-исторической школы, автор классических, новаторских трудов по аграрной истории Англии XVII–XIX вв., занимался также методами исторического познания. Блестящий вузовский педагог, энергично и самоотверженно поддерживавший ростки научного таланта. См. о нем статью М.А. Барга в кн.: "Портреты историков", т. 2, с. 217–227, и там же – основные труды ученого и литературу о нем.

¹² Сапрыкин Юрий Михайлович (1913–1991) – доктор исторических наук, профессор кафедры средних веков МГУ, специалист по истории средневековой Ирландии.

и интересно. Большая аудитория была полна. Было много вопросов, публика слушала очень внимательно. О Конгрессе будет маленькая заметка (моя) в очередном № "News".

Очень хочется поскорее начать работу английской группы, но может быть лучше подождать возвращения Я.А. Увидим на что я буду способен после 22-го [...]

Ожидаю Вашего диспута. Привет и пожелания здоровья, бодрости и всего самого светлого.

E.K.

16.XI.55

Дорогая Евгения Владимировна,

Я собираюсь приехать в Москву в начале будущей недели. Конечно, лучше было бы поговорить о планах по историографии при встрече, но я не знаю, удастся ли встретиться до заседания кафедры. Поэтому я на всякий случай пишу Вам о том, как я представляю свое участие в организуемой кафедрой работе. О предложенном Вами плане говорить пока трудно, но вызывает сомнения всегдаший "проклятый вопрос" о соотношении хронологического и "проблемного" принципов. Как отделить в историографии любой (подчеркнуто автором. - A.C.) проблемы XX в. от XIX, или даже более раннего времени? Впрочем, рекомендую поменьше заниматься планами и проспектами и помнить, что сейчас мы можем дать только "Очерки". Важнее выяснить, на что мы можем конкретно рассчитывать.

Я предполагаю обработать читанный мной в университете курс, отнюдь не расширяя (скорее местами сокращая) его в отношении тематики. Обработка потребуется значительная, так как и тогда я смотрел на этот курс, как сугубо предварительный, а с тех пор вышло очень много нового. К тому же мне удалось собрать не все свои черновики. Обработку я предполагаю вести с начала, в порядке лекций. Сколько времени займет эта работа - не знаю. Во всяком случае не следует равняться по ней и ставить ее 1-м томом намеченных "Очерков". Вообще я не хотел бы возбуждать надежд, оправдать которые мне может быть не по силам, и принимать обязательства, которые не могу выполнить. Мечтаю закончить в 2-3 года, но это именно мечта. К тому же у меня есть еще и другая мечта, с которой я еще не расстался - написать обобщающий очерк истории английского крестьянства в средние века (до XVI в.) - своего рода завершение моих работ в этой области. Эти два плана (или две мечты) могут мешать друг другу.

Далее, я должен предупредить, что не могу принять систематического участия в редактировании или рецензировании чужих глав. Видите, я пишу больше о том, чего не могу, чем о том, что могу. Думаю, что Вы, как друг, меня поймете правильно, и что не нужно дальнейших разъяснений.

Конечно, присутствовать на Вашем диспуте для меня никак не менее важно, чем на вечере в память Грановского. Но Вы сами могли видеть, как мне трудно на что-нибудь рассчитывать наверное. Поэтому я и написал отзыв - если я не смогу прийти, его зачитают. Это тот же отзыв, который был представлен на кафедру, с соответствующими редакционными изменениями в начале и в конце. Но поверьте, если я не смогу быть на Вашем диспуте, это будет для меня очень тяжело. Это не только Ваш, но и мой праздник. Но буду надеяться на лучшее. Когда же в конце концов придет этот день? Судя по тому, что Вы только теперь развозите дисс[ертацию] по оппонентам, можно думать, что еще не скоро.

Опечалило меня, что Вы стали злая и злопамятная¹³. Не надо! Не надо помнить зла. Поверьте, все будет хорошо.

¹³ "Злость" Е.В. Гутновой скорее всего вызвало то обстоятельство, что ученый совет истфака МГУ отказался принять к защите ее докторскую диссертацию из-за "чрезмерной молодости" соискателя. Таковы были тогда представления о возрасте зрелости доктора наук! Недоразумение удалось рассеять только через год стараниями С.Д. Сказкина и тогдашнего декана истфака МГУ А.В. Арциховского.

Вам, вероятно, уже сказали, что я надеюсь начать английскую группу в четверг
а до того собрать бюро для маленького предварит[ельного] совещания. Будь
здоровы и не хандрите. Привет Кире.

Ваш Е.К.

4.I.56

Дорогая Евгения Владимировна,

Спасибо за новогоднее поздравление. Примите и от меня поздравление и самые
лучшие пожелания, которые Вы знаете. Самое главное (?) пожелание исполнилось
уже в прошлом году – Вы закончили Вашу диссертацию. В этом году надо только
преодолеть или переждать нелепое стечение обстоятельств¹⁴, отделяющее Вас от
формального присуждения заслуженной степени, чего и желаю как можно скорее!

Но помимо всех степеней и формальностей я желаю Вам осуществить в этом году
печатание Вашей работы, что (по ее состоянию) вполне возможно, надо только
обдумать, где и как это лучше сделать. Если У[ниверситет] требует печатных
диссертаций, то он должен бы обеспечить своим сотрудникам их печатание – этого
как будто требует логика. Во всяком случае дело о печатании можно было бы начать
независимо от срока защиты. А для того, чтобы все это осуществилось, желаю Вам
больше всего здоровья, сил и бодрости.

С искренним приветом.

Е.К.

[без даты]

Дорогая Евгения Владимировна,

С искренней радостью узнал, что устраниены препятствия, воздигнутые на Вашем
пути к докторской степени. Спасибо Сергею Даниловичу. Как бы только не выдумали
еще какую-нибудь новую пакость. Последнее пишу исключительно с целью "не слазить",
ибо уже становлюсь суеверным. Буду молиться, чтобы быть мне здоровым ко
дню Вашего диспута, в блестящем исходе которого не сомневаюсь (и даже не боюсь
слаза). Желаю Вам здоровья, сил, бодрости и много радости.

Е.К.

5.III.56

Дорогая Евгения Владимировна,

Я еще не поздравил Вас как надо. Нездоровье, волнение, сутолока, духота, а еще
больше впечатление от нелепого голосования и от собственного неудачного выступле-
ния – все это так меня придавило и вызвало такое смятение чувств, что я плохо
понимал Вас и наговорил Вам какую-то чушь, простите ради бога.

А между тем дело не стоит волнения. Голосование вовсе не определяет достоинств
Вашей работы. Все, кто ее знает, единогласны в том, что она бесспорно заслуживает
высшей ученой степени, которую Вы все же и получите. Не обращайте внимания,
будьте выше этого.

Поэтому, отвлекаясь от всего случайного и привходящего, я могу теперь от души
поздравить Вас с окончанием большого этапа Вашей "жизни в науке", в результате
которого у Вас достойная Вас книга и высшая ученая степень.

С поздравлениями всегда соединяются пожелания. Прежде всего, конечно, желаю
здравья, но надо помнить, что и оно дается не даром, а надо о нем думать смолоду,
чтобы не пришлось расплачиваться потом. Не забывайте этого. Будет здоровье –
будут силы и бодрость.

Еще есть пожелания, похожие, впрочем, и на советы. Может быть Вы в советах
вовсе не нуждаетесь, но так как едва ли скоро наступит момент, когда их можно будет

¹⁴ О "нелепом стечении обстоятельств" см. прим. 13 к предыдущему письму.

высказать, то я решаюсь на это – с позиций прожитой жизни. Грешник часто может лучше посоветовать, чем праведник, потому что он лучше знает ни с чем не сравнимую горечь бесплодных сожалений.

Вы, бесспорно, настоящий, сложившийся, зрелый ученый. У Вас ценный дар, берегите его. Не разменивайте его на мелочи, избегайте по возможности всего, что уводит в сторону от прямого пути науки. Не допускайте снижения стиля Вашей научной работы, сохраняйте строгую научную честность, не жертвуйте ею ни для чего. Не засоряйте список Ваших работ всяким "ученым" мусором, наспех написанными мелочами. "Лучше меньше, да лучше". Умейте отказываться от всего, что Вам навязывают, если это Вам не по пути. И еще – не допускайте перерывов в Вашей научной работе. Не сердитесь, это не банальные советы, а пожелания. Я желаю, чтобы Вам не о чем было пожалеть потом. Это самое большое пожелание.

Есть еще пожелания, не относящиеся к "научной работе". Не в одной науке жизнь. Желаю Вам полноты жизни и поэтому посылаю Вам стихи моих любимых поэтов. Желаю Вам твердо идти по избранному Вами пути, а сучки сбрасывать носком в сторону.

[без даты]

Дорогая Евгения Владимировна,

К моему поздравлению позвольте прибавить, что жизнь состоит – или должна состоять – не только из диссертаций и монографий, и что в ней есть и кроме этого много хорошего. Поэтому посылаю Вам стихи моих любимых поэтов.

Кажется, я действительно еду в Англию около 10 мая. Не знаю, выйдет ли из этой поездки какая-нибудь польза (особенно смущает зрение), но, по-видимому, это мой последний шанс. Т.к. я буду разговаривать с редакцией "Past & Present", хотелось бы знать, не собираетесь ли Вы дать им статью? Лучше не "вообще", а выбрать тему поконкретнее и позадористей. Подумайте!

Будьте здоровы и счастливы

E.K.

17.V.56

Embassy Hotel, 150 Bayswater Road, London W. 2

Дорогая Евгения Владимировна,

Вот уже неделя, что я в Англии. [...] Здесь я устроился недурно, хотя и не сразу. Съездил в Кембридж, где установил контакт с рядом историков – говорились о встрече медиевистов, занимающихся социальной историей Англии. Но поездка в Кембридж на другой день после прибытия стоила мне простуды и нескольких потерянных дней. Тем не менее я вступил в контакт с лондонскими историками и начал работу. [...] Поручения группы буду выполнять по мере возможности. Главным я считаю установление контакта с английскими историками и налаживание снабжения информацией, книгами и микрофильмами. Завтра у меня совещание по этому поводу с лондонскими коллегами.

Получил из издательства "Basil Blackwell" (Оксфорд) три экземпляра моей книги, вышедшей, наконец, на английском языке. Вот и все, что они дают. [...] Очень досадую на свою слепоту, из-за которой не замечаю многое. Черчилль пишет книгу по истории Англии с древнейших времен, первый том уже вышел. Краткое резюме печатается в журналах, например, в "Everyman's". Виделся с лондонскими историками, в том числе с Хобсбоумом¹⁵ и Мортоном¹⁶. В общем, хотелось бы многое сделать,

¹⁵ Хобсбоум Э. – профессор, известный английский медиевист марксистского направления, специалист преимущественно по экономическим, отчасти социальным проблемам доиндустриального общества.

¹⁶ Мортон Артур Лесли – профессор, видный английский историк-марксист, автор известных трудов по истории Англии, английской политической мысли и культуры, в том числе раннего нового времени (утопии и др.), по историографии. Часть трудов этих ученых переведена на русский язык.

но чувствую, как изменились силы за 30 лет, истекшие со времени первой поездки в Англию. Все же надеюсь, что съездил не напрасно и облегчу путь тем, кто поедет после меня. Крепко жму руку, привет всем друзьям.

E.K.

15.IX.56

Дорогая Евгения Владимировна,
Спасибо за Ваше "длинное" письмо. Чем длиннее, тем лучше. Очень меня огорчило, что Вы не отдохнули, как следует, перед зимней каторгой: Как нелепо расточаем мы силы, какие огромные накладные расходы ложатся на каждое дело, Надеюсь, что Вашу диссертацию не ждут никакие новые сюрпризы. Самое важное – добиться поскорее ее напечатания. Надо ее немножко погладить, но отнюдь не увлекаться переделками. Лучшее – враг хорошего. Мне кажется, что она теперь будет очень кстати, если только я правильно уловил general trends современной английской исторической науки. Но об этом лучше поговорить при встрече – предмет сложный. Коснусь его и в том докладе, который подготовил для группы и для отделения. Доклад вышел очень большой, страниц в 80, но, конечно, доложу лишь часть, т.к. там много личного. Когда будет группа? Еще не знаю. Предположительно в пятницу, если не будет препятствий.

Дело в том, что мне предстоит оперировать глаз, т.к. я уже почти совсем лишился возможности читать. [...] В сущности я сейчас не работник, не говорю, в каком состоянии нервы. А работать нужно. Таким образом, надежда на операцию. Мне тоже хотелось бы написать Вам длинное письмо, но я уже не вижу, что пишу. [...]

Желаю Вам здоровья, бодрости, сил и помните, что запас последних у человека ограничен и что за расточительность придется когда-нибудь расплачиваться. Не смеяться над моими советами, может быть они кажутся тривиальными и мало исполнимыми, но даются от всего сердца. Попробуйте им следовать, хотя бы...

Yours sincerely

E.K.

17.IX Консилиум решил делать операцию, но до этого надо сделать еще ряд исследований.

12.X.56

Дорогая Евгения Владимировна,

Спасибо за письмо. Я очень жалел, что Вас не было на заседании группы, но только потому, что не пришлось повидаться с Вами. Самое же заседание было не очень интересно. "Открытие" группы было скомкано встречей с Вебстером. Между прочим, несколько раз подчеркивалось, что это первое "объединенное" заседание группы, что она уже существовала и работала как группа по истории средневековой Англии. Вебстер по этому поводу сказал: "Не знаю, полезно ли для медиевистов, что они объединяются с историками нового времени, но для историков нового времени очень полезно, что они объединяются с медиевистами". Я не знаю пока, насколько возможно объединение, и думаю, что обе секции будут в основном работать раздельно, причем вполне возможно "мирное сосуществование". Коллизии возможны на почве распределения листажа в сборниках (которые будто бы нам обещаны) и мест в заграничных командировках, если таковые будут. Но не будем пока забегать вперед. Организационные вопросы пока отложены до следующего заседания, которое состоится после моего выхода из больницы. Тогда же, очевидно, можно будет сделать доклад о моей поездке в Англию.

Относительно Ваших планов научных занятий скажу так: первое всего заканчивайте работу над Вашей книгой о парламенте. Это надо кончить во что бы то

ни стало, чтобы не попасть в трудное положение, когда откроется возможность печатать, что иногда бывает неожиданно. Вообще первый большой печатный труд – важнейший этап в жизни ученого. Можно тем временем готовить для отечественной прессы и для Англии отдельные этюды в виде нескольких статей, авторефератов отдельных глав. Тем временем можно нащупывать тему для дальнейшей работы, но отнюдь в нее не залезать, чтобы не разбросаться.

Очень меня порадовало то, что Вы сообщаете про Киру¹⁷, хотя и жаль, что это омрачается болезнью ее матери. От души желаю ей хорошего счастья с настоящим человеком. Пожалуйста, ей мой сердечный привет и самые лучшие пожелания.

Моя операция все откладывается [...]

Желаю Вам здоровья, сил и бодрости, и еще желаю находить время для хорошей книжки, для театра, музыки и общения с друзьями.

E.K.

12.IV.57

Дорогая Евгения Владимировна,

Простите, пожалуйста, что я долго не отвечал на Ваше милое дружеское письмо. Главная причина – то смятенное состояние, в котором я пребывал с момента перехода от полуслепоты к зрению (от части пребываю и ныне). Открылся мир с новым непривычным (или давно забытым) восприятием пространства, с новыми яркими красками, новыми впечатлениями от вещей и особенно человеческих лиц; вернулась возможность читать и писать, т.е. жить и работать. Все это радостно, но в то же время почти болезненно, вызывает неуверенность и головокружение (в прямом и переносном смысле). Как будто была снята серая и пыльная занавеска, за которой все пряталось, сокращалось в размерах, упрощалось, обесцвечивалось, которая создавала чувство тусклой безнадежности и бессилия, чувство безнадежности и конца, но в то же время прятала, прикрывала от страшной жизни, отчасти снимала ответственность. А с другой стороны сильно почувствовалось, что истекшие годы упадка, заторможенной работы, тщетных усилий и неудач (прибавьте еще месяцы больницы, которые были для меня много тяжелее, чем я старался показать) – все это оставило глубокие и неизбытые следы. Груды непрочитанных или недочитанных книг, недописанных рукописей, неотвеченных писем. *Ощущение поезда, от которого отстал и уже не удастся догнать. Нахлынуло много дел, и хочется принимать участие в общей работе и жизни – но могу ли я?* Хаос мыслей и чувств, которые были временно отодвинуты и приглушенны, а теперь требуют ответа.

Все это, вероятно, скоро уляжется и войдет в колею, как и зрение, которое должно приспособиться к новым очкам. Все это трудности переходного периода, и я надеюсь скоро стать "нормальным" человеком в среде нормальных людей. А пока прошу снисхождения у друзей.

Я уже приступил к работе (м.б. слишком нетерпеливо) и был в Институте. Сразу попал в самую гущу (вплоть до сверхсрочной правки корректуры "Всемирной Истории"), что еще увеличило чувства хаоса и смятения, часть которых, впрочем, неизбежно войдет и в "нормальное" состояние. Видел немало друзей, товарищей и просто сослуживцев...

Был на днях у доктора окулистки, которая наблюдала за мной с 1947 г. [...] Не только не запретила поездку, но даже поощряла. В связи с этим и решил пока не закрывать для себя возможности участвовать в сессии Комиссии в Париже (начало июня) и принять приглашение. Если оптимистичный прогноз окажется ложным, всегда можно будет отказаться, а послать доклад. Темой, по-видимому, будет "Работа советских медиевистов по истории представительных учреждений на Западе". Такого рода доклад там нужен.

¹⁷ "Про Киру" – речь идет о замужестве К.Н. Татариновой.

Очень меня тревожит участь Вашей работы. Может быть все же удастся подогнать? Хорошо бы подготовить к сессии Комиссии статейку на подходящую тему. Можно будет продвинуть в Труды Комиссии. Об этом поговорим, равно как и о других предметах, как связанных с Комиссией, так и несвязанных. Желаю здоровья и всего доброго.

С искренним приветом

E.K.

22.V.57

Дорогая Евгения Владимировна,

Я не мог еще как следует поблагодарить Вас и других друзей за их сердечное и трогательное внимание ко мне и за понесенные ими труды и хлопоты. Мне очень хотелось бы повидаться с Вами, Яковом Александровичем и другими друзьями (Сергеем Даниловичем, Зинаидой Владимировной¹⁸, Ниной Александровной¹⁹). Если можете, приезжайте вместе с ними ко мне на дачу часам к 6-ти в субботу на этой неделе. Отправление на моей машине ок. 4.30 – можно говориться с Ольгой Ник. (В. 2.42.79) или Я.А., который будет в курсе всего дела.

Я слег по возвращении с юбилея и был все эти дни нездоров – сильные боли в плече. Еле выдерживал приличествующую случаю мимику во время заседания. Сегодня все же еду на дачу, т.к. чувствую себя лучше. Говорят, что в саду чудесно, почти цветет сирень – вероятно, она будет цвести и в день Вашего приезда, которого жду с нетерпением.

E.K.

Н.Н. шлет привет и присоединяется к моему приглашению²⁰.

10.VII.57

Дорогая Евгения Владимировна,

Спасибо за Ваше письмо. [...] Кончайте скорее отделку Вашей книги, не смущайтесь тем, что выходят новые работы – надо ставить последнюю точку. А главное – все-таки выберите время для отдыха, отдохните как следует!

Я понемножку поправляюсь, понемножку работаю (не очень успешно) – делю время между постелью и письменным столом. [...]

Голос совести заговорил и в Поршневе. Он прислал мне второе письмо с некоторыми подробностями и выразил желание встретиться, когда я поправлюсь.

Привет Софье Абрамовне²¹ и другим друзьям, если Вы с ними встречаетесь. Желаю Вам здоровья, бодрости, много сил и новых успехов. С приветом

E.K.

¹⁸ Удалцова Зинаида Владимировна (1918–1987) – член-корр. АН СССР (1976 г.), известный отечественный историк-византиновед, фактический основатель сектора византиноведения в Институте истории АН СССР, руководила сектором после кончины Е.А. Косминского, директор ИВИ РАН (1980–1987). Автор многих трудов по истории Византии, особенно истории культуры, возглавляла издание фундаментальной 3-томной "Истории Византии", много лет была ответственным редактором "Византийского временника".

¹⁹ Сидорова Нина Александровна – доктор исторических наук, профессор, советский историк-медиевист, специалист по истории Франции, преимущественно по городской культуре. После отставки Е.А. Косминского и до своей кончины возглавляла сектор средних веков, была членом Советского комитета защиты мира.

²⁰ Н.Н., Ольга Ник. – жена Е.А. Косминского и проживавшая с ними, ведущая их дела свояченица.

²¹ Асиновская Софья Абрамовна – кандидат наук, старший научный сотрудник сектора средних веков, специалист по отечественной историографии средних веков, первый публикатор ряда курсов лекций Грановского по истории средневековья.

Дорогая Евгения Владимировна,

Я уехал из Москвы не узнав, как решилось дело с печатанием Вашей работы. Напишите мне, пожалуйста. [...] Есть у меня ряд вопросов к Вам в связи с Комиссией по истории парламентских учреждений. Я просил Национальный Совет разослать Вам, Поршневу и Люблинской²² сообщения, полученные мной на днях от Комиссии. Надеюсь, Вы уже их получили. Когда я говорил по этому поводу с Нац[иональным] К[омите]том, мне сказали, что Ваше членство (как и двух других) официально оформлено, что Комиссия получила уведомление о Вашем согласии на вступление в число членов. Это не совсем вяжется с тем, что Вы говорили о Вашем разговоре с Петровским²³ по этому поводу. Советую выяснить дело в Национальном Комитете. Новоизбранный председатель Губер²⁴ по обычаю куда-то улетел, его заместитель (кажется, Арциховский²⁵) едва ли в курсе дел, но Черняк²⁶, надо полагать, достаточно осведомлен.

Обратите внимание на приглашение на Брюссельскую конференцию. Даже если не удастся на нее попасть (в этом году возможности весьма ограничены), м.б. стоило бы взять тему для доклада (например о представительстве городов в Англии) – который мог бы быть представлен конференции и напечатан в ее органе. (Кстати, мой доклад, частично прочитанный Поршневым в Париже, переслан в редакцию и м.б. будет целиком или в сокращении напечатан.) Подумайте.

Сегодня я получил от Кенигсбергера (секретаря Комиссии) письмо, в котором между прочим говорится, что Комиссия была бы согласна включить одного советского историка в разработку для сессии Комиссии на Стокгольмском международном конгрессе (1960) темы о представительстве городов. Меня просят назвать, кого бы я считал подходящим. Кроме Вас никто как будто этим специально не занимался. Пока этот вопрос поручен профессорам Когалу (не знаю), Дюмону и Aubin. Пришло бы выступать в каком-то контакте с ними (хотя бы в смысле разделения темы), причем возможна совершенно самостоятельная разработка взятой части. Принятие такого

²² Люблинская Александра Дмитриевна (1902–1980) – доктор исторических наук, профессор ЛГУ, выдающийся ученый – медиевист петербургской школы. Дочь крупного церковного деятеля и историка церковного права (Д.Ф. Стефановича), воспитанница Демидовской гимназии, Высших женских (Бестужевских) курсов и историко-филологического ф-та ПГУ, ученица И.М. Грэвса, Л.П. Карсавина, О.А. Добиаш-Рождественской, В.В. Бирюковича. Авторитетный специалист по истории средневековой Франции ("Очерки истории Франции", 1957), автор фундаментальных работ по эпохе XVI в. и, прежде всего, XVII в., а позднее и XVIII в. (абсолютизм, Ришелье, народные движения, Генеральные штаты, проблемы раннего капитализма, история крестьянства и мн. др.), она обращалась и к таким общим проблемам, как генезис феодализма в Западной Европе, феодальная собственность и Нидерландская революция, много занималась, особенно в последние годы, вопросами духовной и материальной культуры и быта. Издала первые учебники "Латинская палеография" (1969) и "Источниковедение средних веков" (1955), создала школу медиевистов-специалистов по латинской и французской палеографии и франковедов периода Раннего нового времени, возглавляла ряд важных публикаций документов из архивных собраний по истории Франции XVI–XVII вв., способствовала занятиям кодикологией. Последнюю статью об А.Д. Люблинской см. в кн. "Портреты историков", т. 2, с. 228–242, и там же – ее основные труды и литература о ней.

²³ Петровский Иван Георгиевич (1901–1973) – крупный ученый-математик, академик, Герой Социалистического Труда, ректор МГУ с 1951 г., один из выдающихся в организационном и нравственном отношении руководителей высшей школы советского периода. Друг С.Д. Сказкина.

²⁴ Губер Александр Андреевич (1902–1971) – советский историк – востоковед, академик АН СССР (1966), одно время возглавлял Международный комитет историков СССР при АН СССР, первый главный редактор журнала "Новая и новейшая история".

²⁵ Арциховский Артемий Владимирович (1902–1978) – член-корр. АН СССР (1960), известный археолог, автор трудов по общим вопросам археологии, русским древностям. Один из первооткрывателей новгородских берестяных грамот и их описаний. Ряд лет был деканом истфака МГУ.

²⁶ Черняк Ефим Борисович – доктор исторических наук, профессор, широко эрудированный специалист по политической истории позднего средневековья и нового времени, по теории и методологии истории, вместе с М.А. Баргом разрабатывал концепцию цивилизаций.

обязательства потребует, конечно, согласования с Комитетом и др. начальствами, и поэтому я воздерживаюсь пока от каких бы то ни было ответов Комиссии, чтобы не получилось какой-нибудь неловкости.

Вам, вероятно, известно, что предполагаемая моя поездка в Венецию вылетела в трубу. Очень хотелось бы попасть на англо-советскую конференцию историков в сентябре.

Я чувствую себя очень усталым, пришлось последнее время много работать. Самым правильным было бы на время оставить работу и солидно отдохнуть, что мне и советуют. Но все время одна работа набегает на другую. У Якова Ал[ександровича] лежит для меня историография английской революции – для немецкого перевода. Чувствую, что сейчас не в силах за нее взяться. Получил автореферат Барга. Надо бы записать свои замечания и прочее, пока еще не остыло.

Будьте здоровы и веселы. Вероятно, не скоро увидимся – шлю пожелания к Новому году. Хотелось бы думать, что он будет во всех отношениях лучше, чем уходящий.

E.K.

9.II.58

Дорогая Евгения Владимировна,

Спасибо за Ваше письмо. Оно добиралось до меня так долго, что я не решился писать Вам на дом отдыха, опасаясь, что Вы успеете за это время уехать. Надеюсь, что Вам удалось хорошо отдохнуть и запастись силами.

Как идут дела с печатанием Вашей работы? Я пробовал воздействовать на Университет через Нац[иональный] Комитет (по вопросу о Вашем вхождении в Межд[ународную] Комиссию²⁷). По-видимому, в тех кругах, от которых это зависит, не имеется представления о том, что такое эта Комиссия и почему сие важно. Вам следовало бы это разъяснить в Иностр[анном] отд[еле] Университета.

Не знаете ли Вы, когда же, наконец, защита Барга? Получили ли Вы окончательный текст его диссертации? Я не получал.

Я опять работаю над Тойнби²⁸ для Института истории. Он успел за это время столько написать – и еще больше написано о нем, – что диву даешься. Все-таки знамение времени. В сущности черт знает что такое. Но не забываю и английских сюжетов. Надо бы разбудить англ[ийскую] группу. Следовало бы как-то возродить инициативную группу, хотя бы для средневековой секции. На будущей неделе думаю этим заняться.

С пожеланием здоровья, сил, благополучия и успехов

E.K.

29.V.59

Дорогая Евгения Владимировна,

Примерно месяц тому назад я послал Вам письмо (ответ на Ваше), в котором поздравлял Вас с 1 мая, благодарили за оттиск Вашей статьи о Джолифе [?] и излагал некоторые соображения относительно общества СССР–Англия. Ответа до сих пор не имею. Значит – или Вы не получили моего письма, или я не получил Вашего ответа, или Вы оставили мое письмо без ответа. Последнего, впрочем, не предполагаю.

²⁷ "Международная комиссия" по парламентским учреждениям при Международном Конгрессе исторических наук. Кажется, Е.В. Гутнову так и не ввели в эту комиссию.

²⁸ Тойнби – Тойнби Арнольд Джозеф (1889–1975), широко известный английский историк и социолог, автор знаменитой теории множественности и круговорота локальных цивилизаций, видевший прогресс общества в духовном совершенствовании человечества, автор 12-томного "Исследования истории" (1934–1961) и многих других трудов. Е.А. Косминский выступал, как и прочие советские историки против теории Тойнби, противоречившей марксизму. О теориях Тойнби большинство отечественных специалистов узнавало в те годы преимущественно благодаря цитатам в критических статьях.

На случай, если Вы не получили моего письма, повторяю то, что я писал Вам. Я едва ли смогу принимать деятельное участие в работе историч[еской] группы об[щества], но готов помочь, чем могу, если понадобится мой опыт и личные связи. Слышал, что Вы уже развертываете работу. Подвигается ли вперед Ваше книга в издательстве МГУ?

С приветом

E.K.

[Без даты]

Дорогая Евгения Владимировна,

Вы пишете, что я на Вас рассердился. Но уверяю Вас, что у меня и в мыслях не было на Вас сердиться. За что? За то, что Вы передали мне требование редколлегии? Я еще не настолько выжил из ума, чтобы сердиться на такие вещи. Вам должно было быть ясно, что мое раздражение ни в какой мере не было направлено на Вас. Конечно, с моей стороны было глупо и бес tactно выражать раздражение против редколлегии, которая ничем не была виновата. Но у меня в этом месте наболело.

Из Вашего письма я вижу, что Вы на меня обиделись – по-моему, напрасно. Я крайне сожалею, что дал Вам повод подумать, будто я на Вас "рассердился", но, повторяю, у меня и в мыслях не было ничего подобного.

С пожеланием здоровья и успехов

E.K.

16.XI [без года]

Дорогая Евгения Владимировна,

Вашу главу и письмо я получил. Все исправления и уточнения сделаны весьма кстати, и глава теперь едва ли вызовет возражения у самого въедливого критика. Вставка о языках, по-моему, может оставаться на том месте, где Вы ее дали.

Отвечаю на Ваши "деловые сообщения". О Комиссии я передал С.Д. Сказкину, и он обещал принять соотв. меры. С Ниной Ал[ександровной] и Зин. Ал.²⁹ я имел свидание вчера. Что касается главы V (Франкское государство), то Левандовский³⁰ не претендует на "соавторство". Но если в главе использованы его материалы по внешней политике Каролингов, то его надо поместить в списке (довольно длинном) лиц, давших материалы для учебника. Об использовании в учебнике глав Уdal'цова сделано соответствующее разъяснение. Таким образом Ваше единоличное авторство неоспоримо, и Вы будете выступать как единственный автор главы V. Если по недосмотру или недоразумению в сданной рукописи учебника сделано не так, то это будет неукоснительно исправлено.

Как будто бы работа над учебником приходит к концу. Но его еще будут ругать, хотя он и представляет несомненный шаг вперед. Не вовремя он выходит. Сейчас переломный момент, и он быстро отстанет от жизни. Работа над "Всемирной Историей" и особенно ее выход (если она выйдет) заставят на многое посмотреть по-иному. Да и сейчас в нем новые течения еще местами сочетаются со "старинкой". Но что делать? Жизнь быстро идет вперед, а учебники всегда отражают уже завершившийся этап, всегда позади исследовательской работы и особенно теоретической мысли.

Привет и пожелания здоровья, сил и бодрости.

Ваш Е. Косминский

²⁹ "Зин.Ал." – видимо, описка Косминского, поскольку речь (в связи с учебником по истории средних веков) идет, несомненно, о З.В. Уdal'цовой.

³⁰ Левандовский А.П. – известный отечественный историк – медиевист, специалист, в частности, по раннему средневековью, создал ряд работ, особенно популярных, включающих и сюжеты нового времени.

17.XII (без года)

Дорогая Евгения Владимировна,

Пишу Вам несколько строк. Так жаль, что все не удается повидаться. У меня опять припадок стенокардии, кажется, уже пятый за этот год [...] А мне еще хочется поработать.

Шлю Вам, дорогой друг, и всем друзьям самые лучшие мои пожелания. Вы их знаете. Хочется думать, что скоро опять смогу включиться в Вашу работу и жизнь как полноценный ее участник. Крепко жму Вашу руку.

Ваш Е.К.

[Без даты]

Дорогая Евгения Владимировна,

Сообщенная Вам 31.III Яковом А. новость показалась Вам, вероятно, неожиданной. Ваша кандидатура на сессию в Инсбруке была выдвинута на заседании бюро Нац[ионального] Комитета Губером, и я не возражал по следующим причинам: 1) в делегацию включались три члена (кроме Вас Пашуто³¹ и Иоаннисян, академик Армянской АН), что снимает с Вас часть трудностей; 2) возможность участия в стокгольмской делегации остается пока невыясненной; 3) у Вас остается возможность по той или иной причине отказаться.

Если Вы решите ехать в Инсбрук, то надо, чтобы Нац[иональный] Комитет поскорее сообщил о посылке делегации и о темах докладов проф. Н. Грассу, Innsbruck, Meganer strasse, 9. Все сроки давно пропущены! Об этом я еще напишу Нац[иональному] Комитету. Тему выберите по своему усмотрению из числа тех, которые Вы мне сообщили.

Е.К.

[Без даты]

Шлю Вам привет. У меня все обошлось более или менее благополучно, и я понемногу поправляюсь. Крайне жалею о тревоге, которую мнительность врачей вызвала у друзей и товарищей. ... Придется все же на нек[оторое] время выйти из строя.

Я не был очень близок с Грековым в последние годы. Но все же – почти 50 лет товарищеских (а прежде и дружеских) отношений, которые как-то вошли в ткань жизни. Многие ушли незаметно, а он как будто потянул меня за собой за руку и сказал – "Ну, теперь Ваша очередь". Что же, я не боюсь, но тем ценнее каждая оставшаяся минута.

Смутно у меня на душе после нашего последнего разговора (телефонного), когда Вы сказали, что лучше не встречаться. У Вас могут быть веские мотивы, но в душе моей протест. Встречи с Вами для меня большая радость, особенно если я могу быть Вам полезным. Но мне кажется, что мы нужны друг другу не только по линии английской истории. Зачем отказываться от того, что и так скрупультно отмерено нам моими болезнями, Вашей и моей всегдашней занятостью? Впрочем, об этом лучше не писать, а поговорить, и не по телефону.

Я боюсь, что уже не сумею ничего значительного дать в науке, хотя у меня много мыслей и неосуществимых планов – неосуществимых потому, что не хватит сил.

³¹ Пашуто Владимир Терентьевич (1918–1983) – член.-корр. АН СССР (1976), известный, эрудированный, с широкими интересами специалист по истории и историографии Древней Руси, а также Украины, Белоруссии, стран Прибалтики. Основатель в Институте истории СССР (ныне – Российской истории) сектора по созданию широкой базы и публикации материалов по древнерусской истории, которые имеются в иностранных источниках, как западноевропейских, так и восточных. Создал соответствующий квалифицированный коллектив и плодотворно работающую творческую школу. Ныне этот сектор, руководимый ученицей Пашуто – Е.А. Мельниковой, перебазировался в Институт всеобщей истории.

Но я не считаю себя в науке конченым человеком. Своим опытом, своими мыслями, своей критикой, своими советами я еще могу быть отчасти полезен. Моя мечта – увидеть законченными докт[орские] дисс[ертации], Вашу и Як.А.

Я сейчас почти совсем "выключен" из жизни. Знаю, что приехал Хилтон³². Думаю, что мне удастся быть в Москве до отъезда делегации. Было бы очень важно, чтобы Вы и Яков А. познакомились с ним и установили связь. Он может быть вам очень полезен. Не ручаясь за свое здоровье, я советую вам сделать это, не дожидаясь меня. Ваши имена ему известны. Он очень хороший и простой человек.

Простите за нескладное письмо. Мне трудно писать. Устаю от всего.

[Без даты]

Дорогая Евгения Владимировна,
Злые языки солгали и оказались как всегда лишь злыми языками и неспособными ни к чему, кроме зла. Все в порядке. Простите, меня очень расстроило, что Вы придаете им такое значение.

Еще одно недоразумение. В дополнении о языке к Вашей главе Вы говорите об "общенародном англ[ийском] языке" в применении к XII в. В "Маркс[изм] и языко[знании]" (стр. 34–35)³³ также употреблены термины "общенародный англ[ийский] язык", "общенародный франц[узский] язык". Значит ли это, что в XII в. во Франции и в Англ[ии] существует "общенародный язык", как национальный, стоящий над местными диалектами? Нет, у Сталина этот термин обозначает и язык племени, и народности (стр. 26); он противопоставляет его т.н. "классовым языкам". В своей главе я пишу, что английский национальный язык складывается начиная с XIV в. на основе лондонского диалекта и т.д. Не получится ли у студента представления, что общенародный англ[ийский] язык существовал уже в XII в. и что в сущности нечему было складываться? Опасаясь этого, я внес в Вашу главу неудачное исправление, заменив "общенародный английский язык" другим выражением, не помню точно каким, – вроде "понятный для всех английский язык, который в это время распадался на множество диалектов". Это не хорошо, т.к. затмняет основную мысль.

Надо подумать, как сказать ясно и об "общенародном англ[ийском] языке", который понятен для всех, и англичан и нормандцев, и в то же время не является еще национальным языком, стоящим над диалектами, а все еще распадается на ряд диалектов. Подумайте, и пока еще не поздно, надо внести исправление. Учебник готов и сдан, кроме двух последних глав. С ними задержка.

Привет –

E.K.

[Без даты]

Дорогая Евгения Владимировна,
Спасибо за Ваше письмо и за Ваши добрые пожелания. Надеюсь, что Вы хорошо отдохнули в Ленинграде и набрались новых и хороших впечатлений. Я позавидовал Вам, зная, что Вы несколько раз побродили по Эрмитажу. От души поздравляю Вас со сдачей "почти" готовой диссертации. Только не раздувайте этого "почти" – пусть оно скорей превратится в "совсем". Несколько встревожили меня следующие за этим строки, где Вы говорите о том, как эта диссертация выкачала из Вас силы и интерес ко всему окружающему. Надеюсь все же, что это не так. Окончание большой работы, момент отделения ее от себя и придания ей самостоятельного объективного существования всегда связан с тягостными ощущениями. Вспомните Пушкина "Миг вожделенный настал – окончен мой труд многолетний..." .

³² Хилтон Р. – известный английский историк, широкий специалист по средневековой истории Англии, по методу близкий к марксизму.

³³ "Марксизм и языко[знание]" – одна из последних работ И.В. Сталина.

У меня всякое окончание работы связано с тягостным сознанием ограниченности своих сил и неадекватности полученного результата замыслу, а часто и потраченным усилиям. Конечно, Вы очень много сил в лучшую пору жизни отдали Вашему труду, но в нем Вы реализовали часть своей души. А без траты и жертв ничего не дается. Во всяком случае я уверен, что труд Ваш стоит этих жертв и что он Вам много дал "для души". Неплохо отдать годы жизни творческой работе. К тому же жизнь Ваша еще находится в зените и до вечера далеко. "*Herz, mein Herz, sei nicht beklemmt...*" "*und wieviel ist dir geblieben, und wie schon ist noch die Welt...*" Вспомните Гейне! Поэтому я вполне согласен с Вами, что с такими настроениями надо вести решительную борьбу. И хочется думать, что залы Эрмитажа и перспектива Ленинграда обновят в Вас "остатки интереса ко всему окружающему". Думаю о будущей встрече, хотя и не представляю себе, когда это будет, как и вообще плохо представляю себе свое будущее. Пока все еще не разделся с гриппом и его спутниками, сижу в Москве, но думаю вскоре отбыть в деревню. Работаю чуть-чуть. С Институтом и Университетом не имею никакой связи. [...]

Заканчиваю уже в деревне. По решению врачей должен совсем "выключиться" по крайней мере на полгода. Невеселая история. Желаю Вам здоровья, сил, бодрости, успеха в работе.

Ваш Е.К.

12.III. [без года]

Дорогая Евгения Владимировна,

Спасибо Вам за письмо. Простите, что долго не отвечал. Я написал Вам письмо, но когда хотел его отправить, то не мог его найти. Я думал, что по ошибке вложил его в конверт, отправленный в редакцию "News" или в Акад[емию] Обществ[енных] Наук или в Институт, но нигде его не оказалось. Вероятно, через некоторое время оно вынырнет в какой-нибудь из папок на моем столе. Со мной при моем зрении теперь такие казусы случаются. Я прекратил поиски и пишу Вам снова.

Прежде всего я хочу выразить свою радость, что Вы сидите теперь в своей уютной комнате за большим письменным столом³⁴. Это – большое дело (сам испытал!) и теперь Ваша работа пойдет еще успешнее. Что же, кончайте скорей, не торопясь, но и не увлекаясь переделками. Завершающая стадия работы не лишена опасностей. Появляются с одной стороны новые обобщающие мысли, и хочется развернуть исследование в новом направлении или перестроить его, или возникают сомнения; в огромном обработанном материале вдруг начинают обнаруживаться чертики противоречий, часто кажущихся, и начинается новый пересмотр. Не очень также нужно слушать критиков? "ты сам свой высший суд". А то легко бесконечно затянуть дело. А когда кончите эту работу... Впрочем, сначала надо кончить, а потом уже будем говорить.

[...]

Я думал, что мне удалось уже окончательно разделаться с разными дополнительными нагрузками и можно вернуться к *réal subject* – средневековой Англии. Но оказывается, что опять возникли новые требования к учебнику для ср[едней] школы – новые сокращения. Все же я Англией занимаюсь [...]

Английские прогрессивные ученые шлют оптимистические письма. Очень возможно, что они правы и что английское общественное мнение все более переходит на сторону мирного сотрудничества между народами. Но их правительственные круги пока что ведут курс на развязывание войны и во всяком случае на обострение международных отношений. При этом я думаю о рядах кабинетов и книжных полок

³⁴ "Большой письменный стол" появился у Гутновой в связи с тем, что ее семье удалось получить вторую, очень маленькую комнатку в коммунальной квартире на ул. А. Толстого, где они жили. До этого Гутнова писала свои труды за ломбарным столиком.

в Institute of Historical Research, заполненных изданиями источников, справочниками, журналами и т.д., и о Public Record Office с его рукописями. Как эти господа дезорганизуют научную работу – впрочем, это лишь маленькая часть преступлений этой сволочи.

Пишут мне о намерении английских историков послать этой весной делегацию в СССР. Состав ее еще окончательно не выяснился, но мне пишут, что вероятно я встречу среди них "many friends". Очень хотелось бы, чтобы им удалось их затея и чтобы мне не быть больным к их приезду. Существующие в международных отношениях препоны все же легче всего пробиваются в двух направлениях – торговли и культурного общения. Да – еще и спорта. Надо нам потеснее связаться с прогрессивными историками Запада. Думаю, было бы очень хорошо, если бы Вы могли подготовить небольшую (не более листа) статейку по какому-нибудь вопросу Вашей диссертации для "Past & Present" или др[угого] англ[ийского] журнала. Хорошо было бы также подготовить для приезжающих историков пару докладов о новых достижениях нашей дисциплины. Между прочим, знаете ли Вы Авдееву?³⁵ Что это за персона?

У меня нередко возникают мысли о возможных путях оживления нашей исторической работы, которая, как не мне одному кажется, идет не так, как следует. Приходит в голову план оживления брошенной группы по истории Англии. Может быть это помогло бы оживить интерес к исследовательской работе. Но тут есть много и сомнительных пунктов... Хотелось бы об этом поговорить.

Ах, много планов и мало сил. Но план о временном выходе на инвалидность я решил оставить. Мне нужен не временный "отдых" (которого все равно не получится), а постоянное ограничение и строгое регулирование работы, при котором, как мне кажется, я еще смогу вести работу не без пользы. А это, при настойчивости, возможно.

Вы, вероятно, знаете, что вышел сигнальный экз[емпляр] I тома "Английской революции". В конце марта ожидается II том. Для меня это событие отрадное главным образом потому, что тогда Яков Александрович освобождается от главной своей загрузки и сможет работать над своей диссертацией. Впрочем, у него останется и помимо этого слишком много всего – одна "Всемирная история" чего стоит.

Очень хочется повидаться с Вами и побеседовать о многом. Собираюсь в скором времени быть в Москве и постараюсь на этот раз до Вас дозвониться. Желаю Вам здоровья, сил и бодрости. Живо представляю себе Вас за Вашим большим письменным столом среди рукописей, книг и папок. Желаю удачи и скорого завершения. Уже чувствую в руках сигнальный экземпляр Вашей книги.

E.K.

[Без даты]

Верх листа оторван

Я хочу поблагодарить Вас за Ваше письмо и за добрые слова, сказанные при последней нашей встрече в Университете. Прежде всего, не думайте, что я в какой-либо обиде на Вас. Ваше странное письмо меня удивило, огорчило, очень встревожило за Вас, но не обидело (кроме, может быть, первых моментов, когда я в нем еще не разобрался). Я не мог не видеть, в каком раздраженном и подавленном состоянии Вы находились в последнее время. В раздраженном состоянии человек говорит лишнее, говорит искаженно, но при этом нередко вскрывает то, что лежит глубоко в его душе и чего он не высказал бы в спокойном состоянии. И мне казалось, что Вы высказали – в искаженном виде и по случайному поводу – ту горечь, которая осталась или накопилась в глубинах Вашей души по отношению ко мне. И еще мне казалось, что Ваше последнее письмо это подтверждает, что в основе здесь лежало то, что Вы

³⁵ Авдеева Клавдия Алексеевна – доктор исторических наук, профессор, ученица и друг Барга, автор со- лидных трудов по истории средневековой Англии, в том числе важного труда по внутренней колонизации.

называете "предельно хорошим отношением". Мне было очень тревожно за Вас, за Ваше состояние, которое я лишь отчасти мог объяснить переутомленностью от чрезмерной работы (и угрязался, что навалил на Вас еще). Но не было места для обиды.

Я думаю, Вы не сомневаетесь и в моем "предельно хорошем отношении" к Вам. Но и предельно хорошие отношения иногда движутся странными путями. Почему Вы написали Ваше письмо? Почему я ответил на Ваше доброе, умное, истинно дружеское сентябрьское письмо нелепой "истерикой"? Мне кажется, что это были не "срывы", а скорее взрывы, [...] препятствием к установлению наших отношений на "твёрдом основании".

Я не сомневаюсь в глубине и искренности наших "предельно хороших отношений". Но их обратной стороной является возможность и опасность очень болезненных ранений, тем более, что мы так редко видимся и еще реже говорим, что мы живем совершенно раздельной жизнью и часто мало знаем друг о друге. Прибавьте у обеих сторон болезненную напряженность души, для которой много и внутренних и внешних оснований. И все же мне кажется, что наши отношения, несмотря на все срывы и взрывы (или даже через них), освобождаются от всего лишнего и становятся на "твёрдое основание" – на то основание, о котором Вы так хорошо написали в сентябрьском письме, но путь к которому оказался не так прост.

Нам надо бы больше видеться, больше работать вместе. Ведь жизнь складывается так, что работа поглощает почти все время и силы, и общение между людьми – это преимущественно общение в работе. Если бы только у меня было больше сил и здоровья! Столько планов, и вероятно ни одному не суждено осуществиться. Неужели на весь остаток жизни мне не суждено заняться творческой работой, а лишь выполнением "планов", заключающихся в редактировании плохих книг? Удается ли Вам, мой дорогой друг, лучше меня осуществить в жизни то, к чему Вы предназначены Вашими дарованиями?

Посылаю Вам на память самую странную из книг, оставленных нам XVIII веком.

Ваш Е.К.